

В ОПРЕКИ обык-
новенно, скажу
сперва о том,
чего нет в спектакле.
Нет песен, хороводов,
плясок, частушек, гитары, баяна, задумчи-
вых берез, сонных тополей, плетня, возле
которого парни должны говорить девчинам
о любви, нет вечно пьяного «дида», под
хмельком перелагающего газетные передо-
виды на простонародный лад. Нет ничего
такого, что, согласно давней привычке, про-
де бы обязательно должно быть, потому
что играется пьеса из сельской жизни и
действуют в ней доярки, телятницы, звень-
евые, ядовитые колхозники и колхозницы,
председатель колхоза.

А ведь комедия украинского драматурга
М. Бирюкова «Яблоко раздора», постав-
ленная в Театре сатиры, напоминает мно-
гие слишком хорошо знакомые пьесы. Су-
дите сами: председатель колхоза зазнался,
не прислушивается к советам колхозников,
гонится за рекордами, пытается торговать
фруктами по завышенным ценам, старики-
звеньевые осуждают председателя, но спра-
виться с ним не могут: у него — харак-
тер! Только коммунист Коваль, бывший
фронтовик и будущий партгор, выводит
председателя на путь истинный. Искушен-
ный театрал усмехнется: знаем, выдвигали,
какачом не заманите на такой спектакль!
Все дело, однако, в том, что он не «стакон».

Постановщик Валентин Плаучек угадал и
открыл в комедии Бирюкова одно очень
простое свойство, которое разом меняет
весь строй театрального представления.
Это свойство — настоящая человечность.
Пусть действие ведется по знакомому пу-
ти и легко предсказать, куда выведет. Но
оно проникнуто глубокой заинтересован-
ностью в судьбах людей, захваченных дви-
жением комедийного сюжета. Между людь-
ми на сцене и публикой в зрительном зале
нет условной раздельной черты: ни-
кто не предлагает нам полюбоваться коло-
ритными диалогичками. Это люди, равно
близкие и автору, и нам. Живые, сегод-
няшние, интересные, привлекающие, азартные.
Очень часто — смешные. Но воз-
рос не потому, что они хотят нас раз-
влекать. Куда там! Им — не до нас, они
заняты своими делами.

Полный энергии, динамичный и темпера-
ментный талант Валентина Плаучека тут
выдает сдвиг из сокровенных тайн. Дарова-
ние это по самой природе своей лирично.
Жизнелюбивый лиризм режиссера проби-
вался сквозь оптимистическую сатиру ко-
медий Маяковского, сквозь нервную дра-
матичность «Дамоклова меча» Хикмета.
В «Яблоке раздора» лирическая тема ра-

КОМЕДИЯ ВНЕ СТАНДАРТА

Инт. газ. 14 ноября 1961

достно и свободно заявляет о себе всем об-
ликом спектакля (принцип оформления его
напоминает постановки труппы «Латерна
магика»), ясным и чистым рисунком мизан-
сцен, бодрым, энергичным ритмом дейст-
вия, но главное — любовным подходом к че-
ловечу. Игра артистов Театра сатиры на
этот раз особенно серьезна и сердечна.

Вот Руденко, председатель колхоза,
грешный человек, над которым уже зане-
сен прославленный быч сатиры. Евг. Весник,
мастер эксцентрической игры, склонный
обычно к смелым преувеличениям, в этой
роле гораздо больше заботится достовер-
ностью, точностью и теплотой. Да, Руден-
ко зазнался, «зарвался и оторвался», за-
служил упреки в делячестве. Ругают его
поделом. Но актер настаивает, что такими,
как Руденко, надо дорожить. Соскребите
делячество, — останется необходимая деловы-
тость. Помогите Руденку избавиться от
начальственной властности, — перед вами
будет энергичный и умный глава колхоза.
Ибо, при всех своих «завихрениях», Ру-
денко — честный и деятельный хозяин,
думающий не о себе, а о людях, о деле.

Словно бы для того, чтобы контрастно
оттенить это главное свойство Руденко,
сквозь спектакль проходит неразлучная
триада бывших председателей колхозов.
Бездарные прохвосты, бездельники, самой
жизнью вытолкуемые из «районной номен-
клатуры», склонничают, сутяжничают и
ждут своего часа: ждут должностей, каких-
нибудь — только бы руководящих. Руденко
— прирожденный руководитель, но именно
потому он не боится никакой черной ра-
боты.

«Завихрения» Руденко давно озадачи-
вают, огорчают и сердят колхозников.
Полковник в отставке, старый друг Руден-
ко, Коваль должен, как сказано, направить
председателя на путь истинный. Нет, он не
произносит обличительных речей. Коваль
по видимости вообще ничего не делает: он
ведь отдохнуть приехал, он в отставке.
Б. Тенни прекрасно передает его размыт-
ченность, умиротворенность, радость за-
служенного отдыха. Герой Тенни весь, ка-
жется, во власти мирных удовольствий: с
наслаждением бродит босиком по зеленой
траве, катается на лодке, собирается ры-
бачить... О колхозных делах узнает словно
бы случайно и понабаве, вмешиваясь в эти
дела все же не собирается. Он только —
сразу чувствуется — очень хороший человек.
Добрый, обаятельный, чуть лукавый. Со

всеми охотно и внимательно разговари-
вает. Всякому спокойно посоветует, что
делать. Иногда с едва заметной усмешкой
подденет и раззадорит человека. Иногда
вдруг, словно по ошибке, спутает карты
Руденко. Ему сперва и в самом деле не-
охота вмешиваться в сложную жизнь ко-
лхоза. Человек с обостренной чувствитель-
ностью, он все же постепенно оказывается в самом
центре событий.

Вся сила Коваля в том, что он — вместе
и наравне с людьми. Но сила эта, оказы-
вается, огромная: за короткий срок все се-
ло пришло в движение, ропот недовольных
стал прямой и смелой критикой, глухое
ворчанье — отчаянно организованным сопро-
тивлением. Руденко с изумлением увидел,
что все его невероятные затеи рушатся.
Всегда покорный и всегда понурый предсе-
датель сельсовета Крячка (которого с
обычным и, значит, отличным мастерством
сыграл А. Папанов) расхрабрился и потре-
бовал у него отчета. Бравый захоч Помазан
(в искрящемся молодостью исполнении
В. Лепко) действует уже по совету Кова-
ля, а не по приказу Руденко. Горестная
телятница Дудукалка (Т. Пельтцер) испод-
воль организует дерзкий «обой бунт» на
молочной ферме, и Руденко вынужден пе-
редать ферму в ее опытные руки... Почва
уходит из-под ног. Только вчера еще был
он, Руденко, богом и царем, а сегодня все
против него: и настырные старики
(Г. Менгайт, Д. Каданов, Г. Тусузов,
А. Овечкин), и молоденькая Маринка
(З. Зелинская), и героиня труда Домна
(О. Аросева), и приемный сын Василек
(Б. Тронова)... Все против него, все за
коварного Коваля. Люди, внезапно вышед-
шие из повиновения, возвращают своего
председателя к реальности и к честности.

На театральный язык такая внезапная
перемена ситуации называется сюжетным
ходом. В жизни подобные эффекты часто
дают безошибочный расчет на силу ко-
лектива, на его способность учить уму-
разуму иных руководителей.

Очень хорошо, что Театр сатиры умеет
по-современному говорить о современном,
что свежесте и ясность художественной
формы спектакля и увлеченная правдивость
актерской игры приносят в результате ве-
селую, поэтичную, радостную комедию,
близкую к жизни и уже потому далекую
от надоевшего сценического стандарта.

К. РУДНИЦКИЙ 1